

ОДНОЯЗЫЧИЕ И МНОГОЯЗЫЧИЕ ^{1*}

1. Определения

1.1. Если бы процесс коммуникации ограничивался рамками языковых коллективов, то в отношении культур человечество являло бы не менее пеструю и разнообразную картину, чем в языковом отношении. Но дело обстоит иначе. Районы наиболее ярко выраженного языкового разнообразия, такие, как Кавказ, Новая Гвинея, провинция Плато в Нигерии, район Оахака в Мексике и др., вовсе не отличаются соответствующей этнической пестротой. Случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может преодолевать и действительно преодолевает языковые границы. Оно оказывается возможным благодаря посредству многоязычных носителей.

Это умозаключение находит эмпирическое подтверждение в чрезвычайно богатых данных индийской языковой статистики ². Языковое разнообразие в Индии распределено неравномерно: оно очень ярко выражено в ряде районов Ассама, в центре Деканского полуострова, вокруг пустыни Раджастан и вдоль тибетских перевалов, тогда как основные части северной равнины и почти все побережье с языковой точки зрения вполне однородны. Владение еще каким-либо языком, помимо родного, также распространено очень неравномерно. Можно было бы ожидать по крайней мере, что оба эти показателя находятся в прямой зависимости друг от друга, однако в действительности они оказываются независимыми. Это значит, что в ряде районов языковое разнообразие более или менее полно компенсируется

---

* Комментарий к тексту, помеченному жирными цифрами, см. на стр. 513—515.

двуязычием (в городах, на Деканском полуострове, вдоль проходов в Тибет), чего нельзя сказать, например, об Ассаме, Раджастане и вообще о сельских районах, если их сравнивать с городскими. Наибольшим этот разрыв оказывается в районах, для которых характерна наибольшая степень культурной отсталости. Таким образом, препятствием процессу общения является не просто языковое разнообразие как таковое, а языковое разнообразие в сочетании с недостатком компенсирующего его многоязычия³.

1.2. Хотя многоязычие, несомненно, представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное, принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать **одноязычие** как правило, а многоязычие — как нечто исключительное. У этого в высшей степени идеализированного взгляда есть ряд источников. Один из них — в соблазне экстраполировать опыт нескольких европейских и американских стран, которые в течение недолгого исторического периода приближались, с известным успехом, к сознательно поставленной цели — полной стандартизации языка как символу и орудию своего национального бытия. Другой источник этого взгляда связан с тем, что структурная лингвистика на ранних стадиях своего развития нуждалась в допущении синхронности и качественной однородности языковых текстов, служивших объектом ее описания. Но ни культурно-географические перегородки, ни временные методологические установки, связанные с младенческой незрелостью нашей науки, не должны заслонять от нас того реального факта, что миллионы людей, возможно большинство людей, в течение своей жизни в той или иной степени овладевают двумя или несколькими языковыми системами и умеют пускать их в ход каждую в отдельности — в зависимости от требований обстановки.

1.3. Могут возразить, что говорить о многоязычии, не затрагивая вопроса о минимальном различии между языками, — значит давать этой проблеме чересчур широкое и неопределенное толкование. Но вполне обоснованной представляется такая точка зрения, при которой случаи владения, скажем, французским и вьетнамским, французским и провансальским или даже парижским и марсельским французским рассматриваются как разновидности по существу одного и того же явления. Ибо проблема, стоящая перед говорящим во всех этих случаях, качественно одна и та же:

следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах; и в случае неудачи результат один и тот же: вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой. И вовсе не очевидно, что четко различающиеся системы норм легче спутать, чем системы сходные.

1.4. Другая черта многоязычия, которую легко представить в виде переменной, — это степень владения каждым данным языком у одного и того же говорящего. Совершенно свободное и всестороннее владение двумя языками, конечно, очень сильно отличается от усвоения лишь начатков второго языка; но опять-таки трудность задачи, стоящей перед человеком, и характер его неудач при дублировании одноязычных норм каждого из языков (в отличие от «размеров» этих неудач) в обоих случаях сходны. Сравнительная степень владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия (которое мы далее для простоты и подвергнем рассмотрению как наиболее важный тип многоязычия), для исследования которых лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и общественными науками.

1.5. С лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием. Но не все потенциальные возможности интерференции переходят в действительность. Разные люди с различным успехом преодолевают тенденцию к интерференции — как автоматически, так и сознательными усилиями. В некоторой данной ситуации контакта между языками А и В говорящий № 1 может владеть обоими языками, как своим родным, а у говорящего № 2 речь на языке В может изобиловать отпечатками норм языка А. Исследование подобных различий в поведении двуязычных носителей опять-таки требует соединенных усилий лингвистики и смежных наук. Может быть так, что наши два носителя различны по своим врожденным языковым способностям или, скажем, что носитель № 2 лишь приступает к изучению языка В.

Может быть, они изучали эти языки разными способами, например носитель № 2 пользовался методом, не рассчитанным на подавление интерференции. Возможно также, что носитель № 1 придерживается пуристических установок, а № 2 стремится лишь к тому, чтобы быть правильно понятым и готов пренебречь языковыми нормами. При этом различия в языковых установках и в степени терпимости к интерференции могут носить характер как личных особенностей, так и социальных явлений, обусловленных тем коллективом, в рамках которого происходит контакт двух языков. В Канаде местный французский акцент в английском языке в социальном отношении менее выгоден для говорящего, нежели в США, где, скажем, гувернантке-француженке может быть даже экономически выгодно культивировать французский акцент как символ своего вполне «авторитетного» происхождения. Лингвист может найти в этих различиях хотя бы примерное объяснение того факта, что одни контакты между языками, имевшие место в истории, оставили вполне определенный отпечаток на соответствующих языках (эффект «субстрата»), а другие прошли почти бесследно. Но точное описание взаимосвязей между языковыми, психологическими и общественно-культурными факторами, участвующими в современных, допускающих непосредственное наблюдение ситуациях языкового контакта, предполагает исследование двуязычия методами целого комплекса смежных наук.

2. Контакт языковых систем

2.1. В случаях, когда перед лицом или группой лиц, обычно пользующихся языком А, встает задача усвоения второго языка, В, есть ряд возможностей. Во-первых, язык А может быть вообще заменен языком В; в этом случае мы говорим о языковом сдвиге. Во-вторых, языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки; тогда мы говорим о переключении (switching) с языка А на язык В и обратно. В-третьих, может произойти слияние (merging) языков А и В в единую языковую систему.

2.2. Термин «система» не следует обязательно понимать как относящийся к языку в целом; сдвиги между системами, переключение с одной из двух различных, но одновременно доступных систем на другую и слияние систем могут

происходить и на уровне составных частей языка, т. е. на уровне словаря, грамматики, фонологии и даже их компонентов. Возьмем в качестве примера фонологический вопрос выбора между [ɛ] и [e] в случае двуязычия «французский — русский». В не-конечной позиции правила французского языка требуют [ɛ] в открытом слоге и [e] в закрытом. По правилам русского языка [ɛ] появляется только в окружении палатализованных согласных, а в остальных случаях произносится [e]. Если системы выбора аллофонов сосуществуют у двуязычного носителя отдельно, то он будет переключаться с одного правила на другое в зависимости от того, является ли высказывание в целом французским или русским. Если же эти системы у него слились, то возникает новое фонологическое противопоставление между двумя языками, требующее, например, [ɛ] во французском (*Compiègne*), но [e] в русском (*пень*). Аналогичные возможности имеются и в плане содержания. Некоторый элемент плана содержания при контакте двух языков может принимать двойное значение — вещества или предмета, если он фигурирует в контексте французского высказывания (*verre*), тогда как в русском высказывании он получил бы дальнейшее различие (*стекло vs стакан*). Если бы языковые системы слились, то мы бы сказали, что в новой системе имеются два слова со значением «стекло» — одно неоднозначное, а другое однозначное. То же самое можно заключить и о языковом знаке в целом, т. е. о пересечении содержания и выражения. Можно представить себе носителя русского и французского языков, у которого для единицы содержания «сахар» есть две синонимичные единицы выражения [sykr] и [saxar], выбор между которыми производится в зависимости от того, является ли высказывание в целом русским или французским. Далее, для такого носителя слово [nos] оказывается межъязыковым омонимом, многозначность которого разрешается одним образом в высказываниях на русском языке (*нос*) и другим — в высказываниях на французском языке (*посес «свадьба»*). Если же, напротив, сосуществующие языковые системы остаются отдельными, то «сахар» [sykr] и «свадьба» [nos] — это знаки одной системы, а «сахар» [saxar] и «нос» [nos] — знаки другой системы.

2.3. Модель слияния языковых систем предоставляет в распоряжение лингвиста заманчивое объяснение для многих явлений интерференции, наблюдаемых в речи двуязыч-

ных носителей. Мы будем говорить о языке S — источнике интерференции (source of the interference) и языке C — объекте интерференции (target [cible] of the interference). Знаки языка C или элементы его систем выражения или содержания благодаря субстанциальному или частичному формальному сходству отождествляются со знаками или элементами языка S. Затем двуязычный носитель подвергает таким образом отождествленные элементы дальнейшему действию норм языка S, которые могут в значительной мере расходиться с нормами языка C. Ниже, в §§ 3—5, рассматривается механизм интерференции в ряде сфер языка.

2.4. Разграничение слившихся и сосуществующих языковых систем имеет — помимо своего теоретического значения как основы для описания наблюдаемых явлений интерференции — еще и психологический аспект. С точки зрения психологии отсутствие интерференции в том или ином конкретном случае само по себе еще вовсе не говорит о том, что двуязычный носитель осуществляет переключение между двумя отдельными системами. Для определения того, в какой мере две фонологические, грамматические или семантические системы или подсистемы являются отдельными у данного двуязычного носителя, имеются специальные процедуры, основанные на прямых психологических тестах. При исследовании типов двуязычия целесообразно также сравнивать данные, полученные путем непосредственных лингвистических наблюдений, с данными психологических тестов.

2.5. В любом лингвистическом исследовании важно различать продукцию говорящего — то есть некоторый конечный текст, сколь бы длинным он ни был, — и стоящую за этим текстом систему, существующую у него в мозгу и позволяющую ему продуцировать не только этот текст, но и бесконечное количество других высказываний, которые будут восприниматься остальными членами его языкового коллектива как соответствующие языковой норме.

Не менее актуальным является это различие и для исследования явлений языкового контакта. Но говорящий всегда может (а многие люди в этом отношении являются особенно одаренными) научиться воспроизводить с абсолютной точностью некоторый ряд моделей иностранного языка, отнюдь не овладев этим языком как целой порождающей системой, т. е. не приобретя способности производить бесконечное

количество правильных комбинаций элементов этого языка. Может случиться также, что некоторые высказывания, порождаемые системой одного языка, случайно окажутся соответствующими правилам и нормам другого языка. Так, например, какое-нибудь конечное русское -s может оказаться правильным выражением для французской фонемы /s/, даже несмотря на то, что его глухость не является различительным признаком в русском, а его твердость противопоставляет его другой русской фонеме /s'/, что совершенно чуждо системе противопоставлений французского языка. Аналогичным образом порядок слов подлежащее — дополнение — сказуемое во фр. *il me voit*, будучи применен к соответствующим русским словам, даст правильное с точки зрения субстанции и эквивалентное по смыслу предложение: *он меня видит*; однако этот порядок слов в русском высказывании содержит дополнительный формальный элемент, противопоставляющий это высказывание другому, напр., *он видит меня*, не имеющему во французском достаточно простого эквивалента. Поэтому в исследовании двуязычия неразумно ограничивать свое внимание явлениями интерференции, наблюдаемыми на материале ограниченных текстов, так как даже правильные с точки зрения субстанции высказывания на языке C могут быть результатом случайности, за которым скрываются существенные пробелы во владении языком C как порождающей системой. Анализ двуязычия должен продолжаться до тех пор, пока полностью не будет определена степень владения каждой из языковых систем.

2.6. Особая проблема встает в связи с разницей между пассивным и активным владением языком. Есть веские основания полагать, что способность декодировать сообщения первична и отчасти даже независима от способности кодировать их. С точки зрения психологии языка серьезный интерес представляет описание процесса, в ходе которого человек начинает разбираться в незнакомом языке, обходясь при этом без каких-либо четких указаний со стороны. С точки зрения социологии двуязычия еще важнее исследовать те двусторонние отношения, которые возникают между двумя говорящими или даже между двумя языковыми коллективами, когда каждый говорит (кодирует) на своем собственном языке и свободно декодирует сообщения, посылаемые партнером. Такие отношения особенно характерны для тех случаев, когда речь идет о диалектах одного языка

декодировать — декодировать

или близкородственных языках типа скандинавских. В подобных случаях эта особая психолингвистическая установка говорящих перерастает в ощущение ЭТИХ различий как четких формул перехода — даже людьми, сколь угодно далекими от занятий сравнительным языкознанием. Изучение «диасистем» (синхроническое описание систем диалектов) привлекло в последнее время внимание многих лингвистов, и за ним, конечно, последуют работы по психологической природе диасистем у носителей языка.

2.7. «Микроскопическому» рассмотрению явлений языкового контакта на материале поведения отдельных двуязычных носителей может быть противопоставлено «макроскопическое» исследование результатов воздействия одного языка на другой. При «микроскопическом» подходе последствия двуязычия рассматриваются на фоне языкового поведения одноязычных носителей. При «макроскопическом» подходе мы сравниваем язык, который рассматривается как подвергшийся действию контакта, с соседними в пространстве или во времени участками того же языка, относительно которых предполагается, что они не были затронуты действием контакта. При синхроническом «микроскопическом» наблюдении особое внимание должно уделяться выяснению того, какие иностранные элементы в речи двуязычного носителя связаны с его личным участием в языковом контакте. Так, носитель испанского языка в Соединенных Штатах может сказать *objectores concientes* в качестве импровизированного перевода словосочетания *conscientious objectors* «пацифисты, уклоняющиеся от военной службы» (букв. «совестливые возражатели»), которое известно ему как двуязычному носителю из английского языка; с другой стороны, употребление им таких испанских слов, как *beisbol* или *jazz*, хотя и имеющих в конечном счете английское происхождение, вовсе не связано с тем, что он знает английский язык: они являются неотъемлемой составной частью словарного запаса одноязычных носителей испанского языка.

3. Фонетическая интерференция

3.1. Сопоставляя фонетические системы, скажем, французского и английского языков, мы замечаем, что во французском имеются звуки, которые отсутствуют в английском,

напр. [y], а в английском — такие звуки, как [θ, ʃ], не представленные во французском. Но есть и другие фонологические различия между этими двумя языками, которые не сводятся к простому несовпадению наборов целых фонем; так, и в английском и во французском есть фонема /r/, но с точки зрения субстанции здесь имеются значительные различия. Звук [ce] во французском языке — полноценная фонема, а в английском он встречается только в ретрофлексном варианте как реализация последовательности фонем /ɛr/. Звук [p] во французском является основной и почти единственной реализацией фонемы /p/, а в английском — лишь одним из позиционно обусловленных аллофонов (напр., в последовательности /sp/) наряду с /p^h/, представленным в других очень частых позициях. Поэтому, для того чтобы дать полное описание проблем, встающих перед двуязычным носителем при пользовании двумя фонетическими системами, необходимо пойти дальше простой инвентаризации фонем и обратиться к их дифференциальным признакам, контекстному взаимодействию этих признаков и правилам построения допустимых последовательностей фонем в каждом из языков. Возьмем в качестве примера английское [ð]. Это звонкий апикулярный фрикативный согласный. В испанском языке есть похожий звук, но у него фрикативность является не дифференциальным, а факультативным признаком, возникающим в некоторых позициях, а именно в интервокальной и в конце слова. Двуязычный носитель, для которого испанский является языком S, а английский — изучаемым языком C и который не знает о фрикативности английского звука, будет грешить его «недоразличием» (*under-differentiate*). В некоторых случаях он будет нечаянно выдавать правильную реализацию, напр., в словах /fə'ðr, ri:ð/, а в других словах, например, таких, как /re'der, ri:d/, эта «недоразличающая установка» может привести к подстановке варианта [d] в соответствии с правилами выбора между аллофонами [d] и [ð] в испанском языке S. Носителем арабского языка S, наоборот, краткость и нефарингализованный характер звуков — избыточные в английской фонологической системе — могут быть приняты за различительные, поскольку в его арабской фонологической системе S /ð/ противопоставлено /ʃ/ и /ðð/. Но «сверхразличие» (*overdifferentiation*) английских звуков, к которому это поведет, не грозит двуязычному носителю никакими нарушениями английских норм.

3.2. Итак, если у некоторого данного звука в данной позиции некоторый признак либо всегда присутствует, либо всегда отсутствует как в языке S, так и в языке C, то следует ожидать, что речевое поведение двуязычного носителя будет в этом отношении находиться в согласии с одноязычными нормами соответствующих языков. Если некоторый признак присутствует в языке S в порядке свободного варьирования, а в языке C участвует в фонологическом противопоставлении, то следует ожидать непредсказуемых ошибок. Так, по-видимому, можно описывать озвончение согласных носителем южнонемецкого S в его французской речи (C). Если же в языке S некоторый звук может как обладать, так и не обладать некоторым признаком, а в языке C присутствие этого признака определяется особыми позиционными условиями, то следует ожидать интерференции в определенных, предсказуемых позициях; таков случай контакта испанского и английского языков, описанный выше.

При двуязычии может иметь место еще одно явление, заключающееся в том, что признаки, одновременно представленные в фонеме языка C, в речи двуязычного носителя оказываются распределенными между двумя или несколькими последовательными звуками. Так, индийцы, передающие английские /ð, f/ как [dh, ph], связывают место образования звука и работу связок с первым, взрывным элементом, а фрикативность передают отдельным звуковым сегментом; аналогичным образом носители русского языка S часто передают отдельными сегментами передний ряд и огубленность /y/ французского языка C, что дает [ju].

3.3. Даже если два языка, находящиеся в контакте, имеют много общих фонем, законы их распределения могут быть очень различными. Так, хотя /p, s, ʒ, ɣ/ являются фонемами как в английском, так и во французском, начальная последовательность /ps-/ не характерна для английского, а /ʒɣ-/ не встречается во французском. В английском последовательность /-hɪk-/ вполне обычна в интервокальном положении (напр., increment), но когда сквозь фильтры английских законов распределения фонем проходит имя Нкрума, та же самая последовательность, оказавшись в начале слова, приобретает в высшей степени экзотический оттенок. В истории французского языка был период, когда /sp-/ в начале слова также было нарушением законов следования фонем; сейчас такая последовательность вполне допустима,

но вот носитель испанского языка S по-прежнему склонен добавлять начальное /e-/ , когда он в качестве двуязычного носителя пытается произнести слово special французского языка C.

3.4. Аналогичные различия между языками и явления интерференции можно заметить и в сфере просодии. Если в языке S ударение ставится на каждом слове, то можно ожидать, что двуязычный носитель будет тщательно следить за ударениями в языке C, по какому бы принципу они ни были организованы, и будет точно воспроизводить их, даже если он таким образом будет придавать дифференциальное значение вещам, носящим в языке C чисто автоматический характер. (Так обстоит дело с носителем немецкого языка S, когда он говорит на французском языке C.) Если же, напротив, двуязычный носитель не приучен правилами языка S к тому, чтобы следить за местом ударения в каждом отдельном слове, то от него следует ожидать самых различных ошибок в ударении, которые исчезнут лишь при полном овладении языком C.

3.5. Стоит лишний раз отметить, что в действительности реализуются не все возможности интерференции, вытекающие из различий между данными языковыми системами. Эксперименты показывают, что отклонения в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом. В зависимости от колебаний в степени внимательности и заинтересованности различные носители могут подавлять потенциально возможную интерференцию или допускать ее беспорядочное проявление. Одни подмены звуков (sound substitutions) прощаются коллективом носителей языка C охотнее, чем другие; американцы, например, гораздо решительнее протестуют против замены /o/ на [s] или [f], чем на [t]. Таким образом, даже сами иностранные акценты получают частичное признание в качестве явлений, имеющих определенный общественный статус (partly institutionalized faits sociaux). Но наилучшим исходным пунктом для описания двуязычного поведения пока что остается сопоставительный анализ находящихся в контакте языковых систем.

3.6. Явления фонетической интерференции, проявляющиеся на «микроскопическом» уровне в иностранном акценте двуязычных носителей, вновь встречаются нам на «макроскопическом» уровне при рассмотрении исторического влияния одного языка на другой. Весьма вероятно, напри-

Мёр, что именно влияние славянских языков привело к появлению в румынском языке палатализованных вариантов согласных, что в свою очередь после выпадения палатализирующего гласного (процесс, также, по-видимому, объясняющийся славянским влиянием) привело к фонологизации противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных⁴. На северо-западе Югославии влияние романских языков, лишенных тонов, по-видимому, привело к утрате различительной роли тонов в ряде сербскохорватских диалектов. Очень часто в территориально близких языках появляются одинаковые инновации, причем не всегда можно определить, где они впервые возникли и в каком направлении распространяются. Так, болгарский, румынский, украинский языки и диалект языка идиш на Украине и в Румынии имеют очень близкие системы из 3 X 2 гласных. В Швейцарии некоторые соседствующие диалекты ретороманского и алеманнского утратили различительный признак лабиализации гласных. Подобное конвергентное развитие иногда фигурирует в качестве критерия при определении близости языков («языковые союзы»). Это понятие существенно раздвинуло пределы языковой географии, позволив перешагивать через языковые границы при прослеживании звуковых инноваций.

4. Грамматическая интерференция

4.1. Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C, что ведет к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S⁵.

4.2. Предложение *il revient chez lui aujourd'hui* «он возвращается домой сегодня» может быть передано по-английски с обстоятельством времени в начале или в конце предложения: *today he comes home* или *he comes home today*. В немецком нет никаких ограничений на позицию наречия «сегодня», его можно вставить и в середину, перед словами *nach Hause* «домой» (*er kommt heute nach Hause*). Сложность английских правил порядка слов для наречий по сравнению с более свободной системой в немецком ведет к нарушению

английских норм двуязычными носителями немецкого языка типа *he comes tomorrow home*. Правила английского языка C, требующие одного порядка слов в прямом вопросе (*What does he think?* Что он думает?), а другого в косвенном вопросе (...*what he thinks* ...что он думает), легко приводят к ошибкам у носителей более простых в этом отношении языков S, типа русского (**What he thinks? *I know what does he think*). В португальском языке C североамериканских иммигрантов встречаются такие образования, как *Português Recreativo Club*, по образцу *Portuguese Recreative Club* в английском языке S.

4.3. Нетрудно привести примеры и на интерференцию, связанную с различиями в правилах согласования. Во французском языке прилагательное в предикативной функции согласуется с подлежащим в роде (*Le X est blanc; La Y est blanche*). В немецком хотя вообще имеется согласование в роде прилагательного с существительным, но это не касается прилагательного в предикативной функции. Отсюда вероятность утраты согласования (*La Y est blanc*) у двуязычных носителей немецкого языка S и французского C. Аналогичное соотношение имеет место между устным и письменным французским языком, создавая известные орфографические трудности даже для грамотных французов: (*est*) *venu* vs. (*sont*) *venus* при инварианте [vny]. Другой пример: в иврите согласование в роде между сказуемым и подлежащим во втором лице знакомо двуязычным носителям славянских языков S, но часто вызывает интерференцию в речи на иврите (C) у двуязычных израильтян, родные языки S которых не различают родов в местоимении второго лица.

4.4. Неудачи в проведении различий между грамматическими категориями языка C, имеющими смысловое значение, очень часто наблюдаются в ситуациях языкового контакта. Так, противопоставление датива и аккузатива в немецком языке хотя отчасти и совпадает с противопоставлением *la/lui* во французском, однако не имеет параллели во французском языке при различении движения в каком-либо месте и движения в направлении к этому месту (*in der Stadt* «в городе», *in die Stadt* «в город»). У двуязычных носителей французского языка S это легко приводит к ошибкам в немецком C. Аналогичным образом различия между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными и системами определенных и неопределенных артиклей для каждого из этих классов (фр. *le/du, le/un*, англ. *the/some*,

the/an) представляют необычайные трудности для носителей таких языков S (типа русского), в которых нет ничего подобного; и даже когда такие системы в общих чертах уже изучены, многочисленные частные случаи, в которых происходит «идиоматичное» опускание или выбор особых артиклей, служат неисчерпаемым источником интерференции.

4.5. Иногда наблюдается и обратное явление, когда определяемая сугубо формально категория языка С «семантизируется» по образцу языка S. Так, в английском языке противопоставление настоящего и будущего времени нейтрализуется в одном из типов условного придаточного, причем настоящее время выступает в роли общего не прошедшего времени. Однако носитель русского языка S будет склонен употреблять будущее время именно в условных придаточных, относящихся к будущему: if he will ask me, вместо нормального if he asks me «если он меня спросит».

4.6. Нередко бывает и так, что специфические правила языка S применяются к цепочкам языка С, хотя они находятся в противоречии с его грамматикой. В языке польских иммигрантов в США, например, мы встречаем словосложение английского типа (напр., the x is [like] a y → the y x: the man is [like] a bird → the bird man), применяемое к материалу польского языка С (ptak człowiek), хотя обычная польская модель, так же как и французская и русская, иная: ху (człowiek-ptak «человек-птица»). Английская формула неограниченного наращивания именной группы путем присоединения определяющих существительных без какой-либо иерархии в ударениях (the w x y z; напр., The State Cancer Research Institute Bulletin) также ведет к появлению недопустимых конструкций в речи двуязычных носителей, для которых языком С является даже тот или иной германский язык, скажем немецкий или идиш, где каждое вновь нанизываемое существительное получает более сильное ударение по сравнению с предыдущим.

4.7. Автоматический выбор алломорфов легко оказывается жертвой интерференции вследствие слабого владения языковыми нормами, носящими характер немотивированных особенностей данного языка. Так, необычное чередование вариантов английской морфемы say «говорить» /sej/ и /se/, из которых последний выступает в позиции перед суффиксом -s, дает у двуязычных носителей, недостаточно хорошо овладевших этим правилом, ошибочную форму /sejz/ says «говорит» независимо от того, каков их родной

язык. При контакте языков, характеризующихся значительным сходством, восходящим к генетическому родству или связанным с обширными заимствованиями, двуязычные носители — уже по другой причине — часто делают ошибки в выборе алломорфов, не учитывая различий в их распределении. Возьмем носителя немецкого языка S, привыкшего к образованию причастий прошедшего времени от слабого глагола weben — gewebt «ткать» и от сильного глагола sterben — gestorben «умирать», сталкивающегося с совершенно отличными английскими (С) моделями: weave — woven «ткать», но starve — starved «голодать, умирать от голода». Известны даже примеры создания новых вариантов морфем языка С, которые потребовались для того, чтобы соблюсти правила распределения, действующие в языке S. В некоторых разновидностях ретороманского, например, зафиксированы случаи, когда двуязычные носители употребляли форму inap как вариант для ina в значении неопределенного артикля женского рода в позиции перед гласными — по образцу алеманнского чередования a/an.

4.8. Когда двуязычный носитель отождествляет на некотором семантическом основании слово языка S со словом языка С, он склонен распространять на слово языка С синтаксические «права и обязанности» слова языка S, к которому он его приравнял, часто в нарушение норм языка С. Так, английские слова say и tell оба приблизительно соответствуют французскому dire, но tell обязательно требует косвенного дополнения, тогда как say может принимать косвенное дополнение лишь при посредстве предлога:

I told him how to do it «Я сказал ему, как это сделать»
I said hello (to him) «Я сказал (ему) «привет».

Французам, говорящим по-английски, очень трудно избежать употребления таких недопустимых конструкций, как *I said him how to do it или *I told hello. Английский глагол enjoy «пользоваться, наслаждаться чём-л.» требует прямого дополнения или возвратного местоимения: to enjoy oneself букв. «наслаждаться собой». Менее категоричные синтаксические требования, скажем, у соответствующего глагола в идиш nahos hobn (fun...) «получать удовольствие (от...)» приводят к тому, что, говоря по-английски, носители идиш употребляют глагол enjoy в непереходной конструкции: *Did you enjoy? (вм. Did you enjoy yourself? «Получили ли вы удовольствие?»).

4.9. Результаты воздействия одной грамматической системы на другую можно, аналогично тому, как мы это делали с фонетической интерференцией, рассматривать и в «макроскопическом» плане — на материале грамматических инноваций, связанных со взаимодействием языков. Опять-таки не всегда может быть ясно, какой из языков послужил источником, а какой адресатом этого нововведения, но, по-видимому, общие грамматические инновации в соседних языках имеют единые «доисторические» корни. Балканский полуостров является хорошо известным примером области грамматической конвергенции языков. Тот факт, например, что и в румынском, и в болгарском, а в албанском развился постпозитивный определенный артикль, не может быть объяснен их индоевропейским родством, так как каждый из них является единственным языком в своей подгруппе, имеющим эту черту. Грамматические инновации могут быть связаны как с отмиранием старых категорий, так и с появлением новых противопоставлений. Так, в вышеперечисленных балканских языках, а также в греческом древний инфинитив исчез, и в каждом из этих языков различаются теперь по два союза типа «что/чтобы», вводящих придаточные предложения с личными формами глагола вместо прежних конструкций с инфинитивом. Рассматривать возникновение новых прошедших времен, образуемых глаголом «иметь» плюс причастие прошедшего времени, в греческом, романских и германских языках как простую серию совпадений значило бы злоупотреблять собственной доверчивостью; точно так же, по-видимому, имеет смысл видеть историческую связь между отмиранием простого претерита в разговорном французском и в южнонемецком (*alla*, *ging*). Распространение сложного прошедшего времени, образуемого с помощью глагола «иметь», происходящее посредством грамматического калькирования и не останавливающееся на европейских языковых границах, не прекратилось до сих пор. Бретонский копирует эти конструкции с французского, силезские диалекты польского языка — с немецкого, а македонский — с албанского. Идиш, утратив контакт с немецкими образцами и, возможно, вдохновляемый новыми контактами со славянскими языками, отказался от правил особого порядка слов в придаточных предложениях и от большей части противопоставлений сильного и слабого склонений прилагательных; с другой стороны, он перенял у славянских языков двух-

ступенчатую систему уменьшительных и общую схему глагольных видов, хотя для выражения этих новых категорий используются «родные» германские морфемы.

4.10. Одной из острых проблем, связанных с грамматическими последствиями языковых контактов, является переход аффиксальных морфем из одного языка в другой. Действительно, в английском языке есть продуктивный уменьшительный суффикс *-ette* (напр., *kitchenette* «кухонька», *roomette* «один из типов купе» и т. п.) французского происхождения. Но лучшим объяснением существования заимствованных словообразовательных морфем является тот факт, что они стали продуктивными в заимствовавшем их языке благодаря появлению в нем таких пар слов, где одно из них содержало такую морфему, а другое — нет. Из таких пар заимствований, как *cigar* — *cigarette*, *statue* — *statuette*, суффикс *-ette* мог быть извлечен и получил статус продуктивного английского суффикса. Словообразовательные элементы с экспрессивным значением часто используются подобным образом. С другой стороны, явления переноса настоящих словоизменительных морфем крайне редки. В тех случаях, когда они действительно имеют место, они, по-видимому, предполагают огромное предварительное сходство¹ между синтаксическими системами, например такое, которое характерно для близких диалектов одного и того же языка.

4.11. Помимо конкретных проявлений воздействия одного языка на другой, законный интерес представляет также вопрос о том, может ли контакт сказаться на общем грамматическом складе языка. Пока что, к сожалению, по этому вопросу не собрано достаточно убедительных данных. Конечно, соблазнительно было бы взглянуть на тенденцию многочисленных индоевропейских языков к аналитичности как на единый исторический процесс, в котором участвовали и некоторые неиндоевропейские языки; однако мы не располагаем достаточным количеством контрольного материала, необходимого для выводов такого рода. Но, пожалуй, можно с большой степенью уверенности утверждать, что быстро развивающееся двуязычие как таковое, независимо от склада участвующих в нем языков, ведет к росту аналитичности в том случае, если условия способствуют поддержанию интерференции. Можно показать, что, например, креольские языки (см. § 6.2) часто более аналитичны, чем их «предки»,

5. Лексическая интерференция

5.1. Словарь любого языка постоянно находится в текущем состоянии, одни слова выходят из употребления, другие, наоборот, пускаются в оборот. Слова с низкой частотой, возможно, просто недостаточно прочно удерживаются в памяти, чтобы устойчиво функционировать. Регулярные фонологические и грамматические изменения могут приводить к возникновению неудобных или обременительных омонимичных пар, один из членов которых должен быть заменен каким-либо другим словом. В некоторых семантических сферах имеется общая потребность в синонимах, в особенности когда речь идет об экспрессивной лексике, призванной заменить слова, утратившие свою экспрессивность. В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречен на постоянную изменчивость вследствие подражания со стороны жаждущей возвышения массы. Часть этого спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков. Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами) для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров.

При определенных социо-культурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций.

Лексические заимствования можно исследовать с точки зрения приведенного к ним механизма интерференции и с точки зрения фонологического, грамматического, семантического и стилистического вхождения новых слов в заимствующий язык. Рассмотрим сначала вопрос о механизме интерференции.

5.2. Представим себе двуязычного носителя языков S и C, отождествляющего слово S_1 языка S с некоторым словом C_1 языка C, затем слово S_2 со словом C_2 и т. д. Но вот для простого слова S_6 и для сложного слова $(S_7 + S_8) + S_9$ он не находит подходящих эквивалентов в языке C. Пожа-

луй, основополагающим условием для лексической интерференции и является подобное ощущение лексического «дефицита» (lexical "gap").

Вопрос о лексических заимствованиях следует рассмотреть прежде всего с точки зрения морфологической структуры того материала, который используется для покрытия этого лексического дефицита. Когда слово *bargain* «делка» английского языка S перенимается луизианским французским в форме *barguine* или когда слово языка *могавк*, означающее «металл», расширяет свое значение и включает также значение «деньги», для того чтобы удовлетворить обнаруживаемую двуязычными носителями английского S и *могавка* C потребность в слове *money* «деньги», то в этих случаях мы имеем дело с заимствованиями (в широком смысле), которые являются **одноморфемными** как в языке S, так и в языке C. Наоборот, когда американский испанский S заполняет пробелы, обнаруживающиеся в нем на фоне английского S, например *New Deal* «Новый курс (Рузвельта)» или *conscientious objectors*, такими выражениями, как *Nuevo Trato* и *objectores concientes*, то мы имеем дело со словами **многоморфемными** как в S, так и в C. Но сохранение подобного изоморфизма необязательно. При заимствовании во французском языке русского слова *спутник* форма, состоящая в языке S из трех морфем, вводится в язык C как морфологически простая единица. Возможно и обратное: англ. *pencil* /pensəl/ «карандаш» переразлагается в американском идише и истолковывается как двухморфемное квазиуменьшительное на -l (на что указывает и его принадлежность в идише к среднему роду, куда относятся уменьшительные, но не попадают другие заимствования). Заполнение лексических «белых пятен», обнаруживаемых в языке *команчей* (C) с точки зрения английского (S) — напр. *battery* «аккумулятор», передаваемое выражением, означающим «ящик с молниями», — или отсутствие в американском итальянском английского (S) слова *bulldog* «бульдог», передаваемого как *cana-bulldogga*, — также примеры лексических заимствований, имеющих в языке C более сложное строение, чем в языке S.

5.3. Особый вопрос, связанный с заимствованиями, которые являются сложными как в языке S, так и в языке C, касается того, одинаково ли их грамматическое строение в обоих языках. В немецком языке слово *Wolkenkratzer* «небоскреб», созданное по образцу англ. *sky-scraper*,

построено по той же самой схеме образования имен деятеля — из словосочетаний глагол плюс дополнение; во фр. *gratte-ciel*, напротив, мы видим идиоматичное применение соответствующей французской словообразовательной модели, формальное строение которой совершенно иное. Иногда, впрочем, мы находим механическую имитацию сложных форм, которые с точки зрения языка С могут рассматриваться лишь как бессмысленные или даже противоречащие здравому смыслу построения. Это часто бывает, когда английские сложные существительные переносятся в языки, не имеющие аналогичных моделей словосложения, напр., *science-fiction* (=беллетристика, являющаяся наукой), «научная фантастика», *service station* (=станция для обслуживания) «станция обслуживания» в современном французском.

5.4. Следующая проблема, связанная с лексическими заимствованиями, — это вопрос о том, заполняется ли брешь, связанная с отсутствием данного слова в языке С, перенесением этого слова из языка S в язык С или подысканием на эту роль какого-нибудь из слов языка С, что приблизительно соответствует классическому делению на заимствованные слова и «заимствованные переводы» — кальки. Слово «металл» > «деньги» из языка могавак, «ящик с молниями» из языка команчей, ам.-исп. *Nuevo Trato*, нем. *Wolkenkratzer*, фр. *gratte-ciel* — все это примеры подстановки вместо слов языка S подходящих форм из языка С; в случае же луизианского французского *barguine*, ам.-исп. *objectores concientes*, фр. *sputnik*, ам.-идиш *pensl* мы имеем дело с перенесением форм языка S в язык С. При многоморфемных заимствованиях возможно сочетание обоих способов, ср. пенс.-нем. *Drohtfens*, построенное по образцу англ. *wire fence* «проволочный забор». В ам.-ит. *cana-buldogga* мы имеем любопытный случай одновременного перенесения английской формы и ее присоединения к выбранной в качестве эквивалента форме языка С.

5.5. Рассмотрим различные семантические типы механизма подстановки. При расширении значения слова «металл» в языке могавак, которое включило также и смысл «деньги», имел место новый акт обозначения (*designation*). С другой стороны, при расширении значения слов англ. *nucleus*, нем. *Kern*, рус. *ядро* и т. п., включившего также и атомные ядра, лишь повторился тот же самый тип называния. Часто случается, в особенности при контактах между

генетически или культурно близкими языками, что форма, перенесенная из языка S, оказывается сходной с родственной ей формой, уже существовавшей в языке С с другим значением, напр. англ. *introduce* «знакомить» → канад.-фр. *introduire* «вводить» + «знакомить», англ. *library* «библиотека» → ам.-порт. *livraria* «книжная лавка» + «библиотека», англ. *engine* «локомотив» → ам.-порт. *engenho* «наивность» + «локомотив». Во многих подобных случаях бывает трудно определить, где здесь перенесение, а где подстановка.

5.6. Тогда как возможности расширения словаря путем подстановки, по-видимому, неограниченны, расширение словаря путем перенесения иностранных слов, как неоднократно отмечалось, наталкивается на определенное сопротивление в некоторых языках или в некоторых сферах языка. Хорошо известно, что, например, венгерский, финский и исландский языки шли в развитии своего словаря в направлении «европейского стандарта» почти исключительно по пути подстановок. В пределах одной языковой семьи мы имеем чешский, обычно прибегавший к подстановке, и русский, охотно пользовавшийся перенесением (ср. *divadlo* — *театр*, *odstavec* — *абзац*, *básník* — *поэт*, *sloh* — *стиль*). В период своего развития израильский иврит часто прибегал к «временным» перенесениям, которые затем постепенно заменялись подстановочными формами (*kultura* — *тарбут*, *politika* — *mediniut*). В любом списке перенесений одни части речи представлены более широко, чем другие. Поэтому современная лингвистика вполне естественно заинтересовалась вопросом, не определяется ли выбор механизма лексической интерференции, хотя бы в некоторых случаях, факторами грамматического порядка и, в частности, не предопределяет ли сама структура языка при некоторых условиях его сопротивление перенесениям.

На этот вопрос нет простого ответа. В большинстве случаев решительное сопротивление перенесению лексических единиц, конечно, обусловлено соображениями социо-культурного, а не грамматического порядка. Не случайно предположение подстановки оказалось столь сильным в чешском и венгерском языках, где перенесение было бы истолковано в народе как онемечивание, что в тот период было несовместимо с национальными чаяниями этих народов. В странах, где вопрос о выборе путей к лексической европеизации языка стоит на повестке дня, на поверхность так-

Же выступают решающие культурные факторы[...] В Индии, например, группы, выступающие за обогащение словарного запаса хинди а) путем перенесения интернациональной лексики или б) путем подстановки на эту роль санскритских корней, открыто указывают на идеологический смысл обоих путей. Но в некоторых случаях дело обстоит более тонко и все зависит от фонологического аспекта обращения с переносимой лексикой. В языках типа венгерского и иврита, где звуковая оболочка слов гораздо более строго кодифицирована, чем, скажем, в английском или французском языках, заимствованное слово поневоле будет резко выделяться на фоне слов родного языка, если его звуковая оболочка не подвергнется радикальному изменению; но в этом случае оно рискует утратить и значительную долю тех этимологических связей с международными корнями, ради которых, возможно, и было оказано предпочтение механизму перенесения перед подстановкой. Кроме того, в языках типа иврита или китайского, где не только строго регламентировано звуковое строение слов, но и очень высока степень использования фонологически возможных звуковых последовательностей в качестве морфем, фонологическое усвоение заимствованных слов дополнительно осложняется опасностью возникновения омонимии с уже существующими словами. Когда в китайском языке слово England «Англия» передается наполовину путем перенесения, наполовину путем подстановки — как *ing kuo* (*kuo* «страна»), то даже перенесенная часть *ing* оказывается многозначной, и она получает семантическое истолкование (закрепляемое выбором идеограммы) «почтенный». Франция (*France*), аналогично передаваемая как *fa kuo*, получает благодаря идеограмме *fa* стандартное наименование «страны разума». Ясно, что в таком языке, как китайский, массовое перенесение как основной принцип обогащения словаря привело бы к самым различным нежелательным результатам.

5.7. Ряд других аспектов, связанных с ролью структурных факторов в заимствовании слов, касается различной подверженности слов заимствованию (*transferability*) в зависимости от их грамматического статуса. Так, подсчеты английских заимствований в американском норвежском показали, что процент существительных среди заимствованных примерно на 50% выше, чем процент существительных в норвежском или в английском языке в целом; с другой

стороны, для глаголов этот процент на 20% ниже, чем в этих же языках вообще, а некоторые части речи представлены среди заимствований еще более скудно. Вполне возможно, что эти цифры соответствуют общей неравномерности инноваций (т. е. не только заимствований) в разных частях речи. В таком случае эти показатели отражают различную степень «открытости» разных классов морфем, последнее место среди которых занимают словоизменятельные аффиксы.

5.8. С фонологической точки зрения перенесенные лексемы могут либо подвергнуться изменениям, направленным на то, чтобы привести их в соответствие с синтагматическими и парадигматическими правилами звуковой системы языка *S*, либо, напротив, может быть сделана попытка сохранить их звуковую оболочку в неприкосновенности и рассматривать их как своего рода фонологические цитаты из языка *S*. Имеются также все промежуточные степени частичного усвоения иностранной фонологической формы. Механизм фонологического усвоения заимствованных слов в принципе тот же, что и механизм непосредственного взаимодействия звуковых систем разных языков; однако в количественном отношении ситуация усвоения лексических заимствований предоставляет гораздо больший простор для свободного взаимодействия двух фонологических систем. Количество усилий, затрачиваемых на сохранение исходной звуковой оболочки заимствованного слова, зависит, по-видимому, во-первых, от степени знакомства с языком *S* и, во-вторых, от того престижа, который связывается со знанием языка *S* как источника заимствования. Фактор знакомства с языком *S* отражен в сообщении о том, что двуязычные носители индийского языка меномини в США передают англ. *automobile* «автомобиль» на своем языке как *atamo'pil*, а у одноязычных носителей меномини это слово подвергается дальнейшей интерференции в соответствии с фонологией их языка и получает вид *atamoren*. В гавайском — опять-таки, по-видимому, в языке одноязычных носителей — мы находим такие радикальные преобразования заимствованных слов, как *rice* [*rais*] «рис» > *laiki*, *brush* [*brʌʃ*] «щетка» > *palaki*. Действие фактора престижа можно увидеть, если сопоставить стремление американцев сохранить такие неанглийские звуки, как [œ, ɔ̃], в изысканных французских заимствованиях (типа *chef d'œuvre* «шедевр», *façon de parler* «манера говорить») с полным стира-

нием **Всяких** неанглийских особенностей в звуковой оболочке заимствований, скажем, из языков американских индейцев.

Очевидно, что широкое перенесение иностранной лексики, не сопровождающееся ее полным фонологическим усвоением, ведет к появлению в языке новых законов распределения звуков и даже новых фонем. Так возникло, например, фонологическое противопоставление *f* и *v*, *s* и *z*, *z* и *s* в английском, *g* и *k* в чешском и т. д.

5.9. С грамматической точки зрения лексическое заимствование также подлежит ассимиляции в рамках системы языка *S*. На одном краю шкалы располагаются слова, сохраняющие в языке *S* неизменяемость, присущую им в языке *S*, и не подчиняющиеся синтаксическим требованиям языка *S*; такова, например, была судьба французского слова *paletot* > *пальто* в литературном русском языке, где оно не изменяется ни по числам, ни по падежам, хотя в русском языке и имеется полноценное склонение слов на *-o*. Другую крайность представляет сохранение в языке *S* словоизменения, характерного для языка *S*: так, одно время в литературном немецком было принято склонять латинские существительные по-латински (*das Verbum, mit dem Verbo, unter den Verbis*). Обе эти крайности, по-видимому, являются следствием вмешательства представителей нормативной грамматики и связаны с культурной атмосферой, чуткой к вопросам языкового престижа. Гораздо более обычным является компромиссное допущение заимствованных слов в открытые грамматические классы языка *S* с включением их в словоизменительные парадигмы наравне со словами этого языка. Так, в американском литовском к англ. *bum* (*bommis*) «бум», *boss* (*bossis*) «босс», *dress* (*drèsè*) «платье» добавляются окончания существительных, а к англ. *funny* (*fòniškás*) «забавный», *dirty* (*dòrtunas*) «грязный» — окончания прилагательных и т. п. Часто, если в грамматике языка *S* есть ряд параллельных, семантически немотивированных категорий, то заимствованная лексика преимущественно поступает в какую-нибудь одну из них. Так, в США в каждом из языков иммигрантов один из родов существительных выступает в роли открытого класса, принимающего существительные, заимствуемые из английского языка: в немецком это женский род, а в норвежском, литовском и португальском — мужской. Из нескольких португальских спряжений подавляющее большинство гла-

голов, заимствованных из английского языка, попадает в спряжение на *-av*.

5.10. С точки зрения семантики и стилистики заимствованная лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слово выживают, обычно происходит специализация значений. При соответствующих социо-культурных условиях заимствованные слова могут приобретать характер изысканных выражений или, наоборот, характер грубых выражений вульгарной речи. Хорошо известна двоякая судьба латинских слов как элемента научной лексики и одновременно студенческого жаргона европейских языков. Аналогичную двойную стилистическую роль удалось установить и для иврито-арамейских элементов в языке идиш. В период между двумя войнами немецкие заимствования в чешском и чешские заимствования в языке судетских немцев приобрели отрицательные коннотации вследствие взаимоотношений, установившихся в тот период между двумя национальными группами.

6. Интерференция, языковой сдвиг и возникновение новых языков

6.1. Если языковой сдвиг определяется как переход от регулярного пользования одним языком к пользованию другим, то возникает вопрос, может ли интерференция достигнуть такой силы, чтобы оказаться фактически равнозначной переходу на новый язык.

Другими словами, может ли речь двуязычного носителя на языке *S* постепенно подпасть под столь сильное влияние языка *S*, чтобы стать неотличимой от речи на языке *S*? В большинстве описаний ситуаций языкового контакта, находимых в литературе, делается допущение, что мы всегда располагаем критериями, которые позволяют нам отнести высказывание — скажем, предложение — двуязычного носителя к грамматической системе одного из двух известных языков, как бы ни была сильна фонологическая, лексическая или грамматическая интерференция со стороны системы другого языка в данном предложении. Если это верно, то переключение с одного языка на другой всегда может быть зафиксировано на границах предложений, а постепенный языковой сдвиг может быть определен как

переход от постоянного пользования языком С через все более частое переключение с С на S к окончательному преобладанию языка S. Но в некоторых ситуациях языкового контакта, как кажется Г двуязычные носители приходят в такое состояние, когда уже и целое предложение (а иногда и словосочетание) нельзя отнести с грамматической точки зрения к тому или иному из языков. В таких случаях разница между грамматической интерференцией и переключением становится неопределенной: различие между языками снимается. При этих условиях можно говорить об интерференции как об источнике постепенного языкового сдвига.

6.2. Разновидности языковой системы, являющиеся плодом значительного влияния других языков, могут оказаться преходящим явлением или остаться на периферии языковой жизни одноязычного коллектива. Но при благоприятных социо-культурных условиях эти разновидности могут превратиться в совершенно самостоятельные новые языки. Такова, например, история той ветви французского языка, которая, испытав сильнейшее влияние африканских языков, превратилась в современный карибский креольский в нескольких его разновидностях. При сходных обстоятельствах возникли креольские языки и языки пиджин и в других районах мира. В Индии разновидности языка хиндустани, оказавшись одна под персидским, а другая под санскритским влиянием, разошлись в разные стороны и превратились в урду и хинди. В юго-восточной Азии силы, тянущие в противоположные стороны малайский язык в Индонезии и малайский язык в Малайе, уже привели к различиям в письме и лексике и в будущем могут привести к полному разделению этого языка на два. Но когда изменившаяся под иностранным влиянием разновидность языка становится самостоятельным языком? От нового языка мы требуем по крайней мере заметных формальных отличий от обоих его «родителей» и известной формальной определенности, которая должна последовать за первоначальными колебаниями и вариациями. Ряд критериев связан с функционированием и статусом этого языка. Если некоторая гибридная разновидность языка используется в роли своего рода импровизированного рабочего жаргона, то это, пожалуй, еще не дает ей права называться самостоятельным языком. От языка мы ожидаем, что он возьмет на себя и более существенные функции, например роль

средства общения между матерью и ребенком или орудий официальной речи. Мнение самих носителей о статусе их языка, конечно, является дополнительным критерием с точки зрения социальной психологии языка. Лингвистика, будучи неспособной разрешить все эти проблемы самостоятельно, вынуждена считать понятие языка уже определенным и переходить прямо к его дескриптивному и историческому описанию.

7. Двуязычный носитель как личность

7.1. Речевое поведение разных двуязычных носителей очень различно. Как уже отмечалось в § 1, некоторые из них овладевают несколькими иностранными языками так же хорошо, как своим родным, и интерференция у них оказывается незначительной. Другие владеют вторым языком значительно слабее, чем родным, и в их речи постоянно наблюдается сильная интерференция. Одни легко переключаются с одного языка на другой в зависимости от ситуации, другие делают это с большим трудом. Один и тот же человек может повести себя совершенно по-разному в разных ситуациях двуязычия, его поведение может меняться с течением времени, или он может с рождения быть предрасположен к определенной форме языкового поведения. Все эти переменные величины должны быть тщательно изучены специалистами по психологии языка.

7.2. Много еще неизвестного в вопросе о различиях во врожденной способности к изучению иностранного языка и о ее связи с владением родным языком. Каждый учитель иностранного языка знает, что одни ученики гораздо более успешно изучают иностранные языки, чем другие, но вот попытки предсказывать подобные успехи на основании тестов — исключая, разумеется, наблюдение за самим процессом обучения — пока что находятся в самой начальной стадии. Часто выдвигаемое утверждение, что раннее двуязычие повышает способность к изучению иностранных языков, также все еще ждет научной проверки. Неясно также, связана ли способность к переключению с языка на язык по мере надобности — или противоположная ей склонность к чрезмерному переключению — с некоторой врожденной предрасположенностью или это исключительно результат тренировки. Выдвинутое рядом невропатологов предположение, что есть особый участок мозга, ведающий переключением

чением языков, по-разному развивающийся у здоровых людей и подверженный расстройствам при повреждениях мозга, пока что следует рассматривать с изрядной дозой скептицизма.

7.3. Несколько больше ясности (по сравнению с вопросом о роли врожденных факторов) в вопросе о влиянии на языковое поведение двуязычных носителей условий, в которых они изучают эти языки. Здесь нас интересуют такие понятия, как родной язык, первый язык и основной, или доминирующий, язык. Очевидно, что представление, согласно которому человек в совершенстве владеет своим «родным языком», затем выучивает другие языки, причем интерференция со стороны родного языка влияет на его речь на этих новых языках, такое представление — плод чрезмерного упрощения. Потому что, если определить «родной язык» как язык, усваиваемый первым, то ясно, что он сам может оказаться объектом интерференции со стороны языков, которые усваиваются после него. Определить, какой из двух языков у данного двуязычного носителя является основным, доминирующим и какой из них является главным источником интерференции (если вообще один из них является главным, а другой второстепенным в этом отношении), — это две отдельные задачи. Наша теория должна быть достаточно гибкой, чтобы учитывать, что в речи двуязычного носителя интерференция может происходить в обоих направлениях. Имеет смысл выработать чисто психологические критерии определения того, какой язык является основным для данного носителя, и затем соотнести таким образом определенное «доминирование» с его возможными языковыми последствиями.

7.4. Психологическое доминирование одного языка над другим может быть установлено с помощью тестов разной степени сложности⁶. Можно, например, задаться вопросом о том, какой из двух языков оказывается более удобным средством для передачи распоряжений, которые должны быть быстро и точно выполнены. Возможна даже такая постановка вопроса: на каком языке двуязычный носитель «думает»; для этого надо проверить, на каком языке он охотнее выдает ассоциации на стимулы, предъявляемые ему вразбивку на обоих языках. С другой стороны, можно держаться того мнения, что «доминирование» языка представляет собой сложную комбинацию факторов примерно следующего типа.

По сравнительному совершенству владения языком: доминирующим является тот язык, которым носитель на данном отрезке своей жизни лучше владеет.

По способу использования: зрительные реакции настолько важны для подкрепления устного пользования языком, что для двуязычного носителя, который владеет грамотой лишь на одном из языков, этот язык и будет основным, независимо от соотношения в уровне устного владения этими языками.

По порядку изучения и возрасту: обычно считается, что язык, которым овладевают в первую очередь, уже по одному этому является «доминирующим». Однако следует внести в это положение некоторые поправки, так как, например, при эмиграции первый язык может вытесняться из памяти двуязычных носителей вследствие постоянной интенсивной практики в употреблении исключительно второго языка. С другой стороны, эмоциональные установки по отношению к первому языку редко полностью переносятся на другие языки. Среди вторых языков язык, усвоенный в детстве и закрепленный практикой, имеет больше шансов на почетное положение в сознании двуязычного носителя по сравнению с языком, выученным в более поздние годы.

По роли в общении: хотя двуязычный носитель может одинаково хорошо владеть обоими языками, может оказаться, что ему чаще приходится прибегать к одному, а не к другому из них. Более частое употребление языка может при прочих равных условиях возвести его в ранг «доминирующего» языка.

По роли в общественном продвижении говорящего: при определенных социальных условиях владение тем или иным языком становится важным не только с точки зрения нужд обучения, но и для продвижения человека по общественной лестнице. При этих условиях он будет стремиться не просто выучить соответствующий язык, но и выучить его хорошо, то есть по возможности преодолеть потенциальную интерференцию. Таков еще один источник «доминирования языка».

7.5. Помимо многочисленных аспектов, в которых доминирование данного языка может проявляться у данного носителя в данный отрезок его жизни, существуют различные изменчивые обстоятельства конкретных ситуаций речевого общения, которые могут отражаться на поведении двуязычного носителя. Например, если его собеседник вла-

деет только одним языком, то двуязычному носителю приходится подавлять большую часть потенциальной интерференции и отказываться от свободы переключения с языка на язык, тогда как, имея дело с двуязычным собеседником, он может свободнее поддаться тенденции к интерференции и переключению. Сильнейшее влияние английского языка на языки иммигрантов в США может быть понято в свете того факта, что целые коллективы становились двуязычными и что не оставалось практически никакого неанглийского одноязычия, необходимого для сопротивления английскому влиянию. У двуязычных носителей есть также тенденция к разграничению тем и собеседников, за которыми закрепляется тот или иной из двух языков. Такой двуязычный носитель может свободно говорить на каждом из языков в соответствующих условиях, но всякое насильственное смещение в этом отношении может привести к значительной интерференции; наконец, масштабы и характер интерференции могут меняться в зависимости от степени утомления и от эмоционального состояния говорящего. Преодоление интерференции требует усилий, которые не всегда и с легкостью могут быть затрачены.

7.6. Лингвисты могут с удовлетворением заметить, что психологи в последнее время уделяют все больше внимания двуязычию, которое является важным источником данных о психологии языка в целом. В частности, много работ было посвящено проблеме различия между двумя типами двуязычия, соответствующими двум типам, выделяемым с лингвистической точки зрения (см. выше § 1.4.). Различные тесты показали, что одни двуязычные носители склонны обращаться с обоими языками как с тесно связанными частями единой знаковой системы, а другие скорее предполагают двумя соотнесенными, но отдельными системами.

Эти различия проявляются, например, в различной степени независимости семантических значимостей примерно одинаковых выражений этих языков. Делались попытки выявить типичные условия, при которых развивается каждый из этих типов двуязычия. Роль предвзятого отношения к тем или иным языкам была продемонстрирована с помощью теста, в ходе которого канадцы положительно отзывались о некоторых лицах, прослушав записи их английской речи, а затем отрицательно, прослушав их записи на французском языке, не зная, что это были одни и те же

люди. Любопытно, что такая реакция на французский язык имела место как у англоговорящих, так и у франкоговорящих канадцев.

8. Социо-культурные условия языкового контакта

8.1. Изучение языкового поведения двуязычного носителя и связи между его биографией и его речью на обоих языках вовсе не должно ограничиваться каждый раз одним человеком. Когда контакт между языками происходит в масштабе целой группы людей, особенно если это достаточно большая группа, то индивидуальные особенности языкового поведения отдельных носителей взаимно уничтожаются и проступают социально обусловленные языковые навыки и процессы, характерные для группы в целом. Многие факторы, дающие языку статус «доминирующего» — его важная роль в общении, его значение для социального продвижения и т. д., — навязываются человеку окружающей средой. Поэтому соотношение между языками часто оказывается одинаковым для многих носителей, участвующих в данной ситуации контакта.

Даже порядок, в котором языки изучаются, возраст, в котором они усваиваются, и степень грамотности в каждом из языков часто определяются обществом, а не самим носителем. Более того, окружающая среда может закреплять даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом. В одних обществах двуязычие находится под подозрением, в других окружено уважением. В одних обществах переключение с языка на язык допускается, в других — осуждается. Интерференция может разрешаться в одном языке и презираваться в другом. Двуязычный носитель стремится придерживаться норм той группы, к которой он принадлежит.

8.2. Очень важный аспект проблемы связан с функциями языка в многоязычном коллективе. Одни функции явно оказывают более консервативное воздействие на языковые нормы, чем другие. Значительна роль консервативных факторов, например, в языке как инструменте образования. Там, где школа оказывается в состоянии служить передатчиком сильной и яркой литературной традиции, там молодому поколению с успехом прививается бдительность к интерференции. В повседневной речи, стремящейся лишь к понятности, тщательностью произношения пренебрегают;

здесь интерференция получает простор и легко входит в привычку. Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто снижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями.

8.3. Конечно, «коллектив» слишком крупная единица для нашего рассмотрения. Удобнее рассматривать двуязычный коллектив как состоящий из двух групп, имеющих каждая свой родной язык (two mother-tongue groups — MTG). Каждая MTG включает всех тех членов коллектива, которые усвоили данный язык в качестве своего родного языка. Правда, в эту схему не укладываются случаи, когда весь двуязычный коллектив усваивает оба языка в одно и то же время, в детстве, или когда в двуязычном коллективе один из языков ни для кого не является родным. (Это бывает при таком двуязычии, когда один из языков является лишь традиционным языком литературы, богослужения и т. п., но не служит средством общения матери с ребенком.) Рассматривая двуязычный коллектив как состоящий из двух MTG, мы можем определить роль каждого языка для каждой из MTG. Мы можем сравнить размеры этих групп и увидеть, на какую из групп приходится основное бремя языкового общения. Если в некотором коллективе есть две MTG, по 50% жителей в каждой, то следует ожидать, что равные части каждой группы выучат язык другой группы; можно будет сказать, что бремя двуязычия распределено равномерно. Однако если окажется, что в одной MTG 60% двуязычных носителей, а в другой только 10%, то это является статистическим выражением более привилегированного положения второго языка в данной ситуации языкового контакта.

8.4. Очень поучительно сравнить деление коллектива на MTG с прочими видами его деления на подгруппы. Одним из возможных коррелятов деления на MTG является географическое деление: распространены такие ситуации контакта языков, когда каждая MTG занимает достаточно четко очерченную территорию. Таково, например, положение в двуязычном Фрейбурге в Швейцарии в противоположность двуязычному же Биллю. Связь может иметься также между делением на MTG и делением жителей на исконных и пришлых, иммигрантов. Если одна из MTG является менее исконной, чем другая, то ее язык может

оказаться более подверженным интерференции, не только потому что на новом месте жительства могут обнаружиться и стать более заметными «белые пятна» в языке иммигрантов (см. § 5.2), но и потому, что социальный статус этого языка может быть более низким, чем у языка местных жителей. Так как во многих иммигрантских группах очень велик процент женщин, то вытекающие отсюда смешанные браки также могут вести к нарушению непрерывной языковой традиции в этих MTG. Часто различия между MTG оказываются связанными с различиями в обычаях и других неязыковых сферах культуры. Но это не обязательно: в Швейцарии, например, неязыковые культурные различия между французской и немецкой или немецкой и ретороманской MTG во многих местах почти незаметны. Различия в религии, параллельные различиям в принадлежности к MTG, могут иметь важные косвенные языковые последствия, связанные с тем, что редкость смешанных браков может привести к тому, что большинство семей окажется **одноязычными**, так что у детей первые языковые впечатления будут складываться в условиях одноязычной среды. Там же, где к делению на MTG не присоединяются религиозные различия, детское двуязычие, являющееся следствием смешанных браков, может повести к ослаблению специфических норм обоих языков. Утверждение, что одна из двух MTG данного коллектива в среднем старше другой, есть не что иное, как синхроническая формулировка того факта, что в этом коллективе происходит языковой сдвиг. Различия в общественном положении — например, проживание в деревне или в городе, принадлежность к классу, касте, — если они регулярно соотносятся с различиями в принадлежности к MTG, также могут вести к различиям в склонности к закреплению интерференции в находящихся в контакте языках.

8.5. Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в «отстаивании». В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой; в ответ на интерференцию оно превращает стандартизованный вариант языка в символ

веры и святыню. Идеал стандартизованного языка и окружающий его эмоциональный ореол являются неотъемлемой частью западной цивилизации и оказались необычайно заразительными — странный анахронизм! — для азиатских и африканских стран, недавно освободившихся от колониализма. Но вряд ли стоит сомневаться, что именно в ситуациях языкового контакта люди лучше всего осознают отличительные особенности своего языка по сравнению с другими и именно в этих ситуациях чистый или стандартизованный язык легче всего становится символом единства группы. Следующая за этим мобилизация чувства языкового патриотизма может успешно противодействовать «естественному» распространению интерференции в двуязычных ситуациях. В § 5.6. мы уже говорили о стремлении избегать перенесения как средства обогащения словарного запаса во многих языках, где естественные источники заимствования были связаны с нежелательными ассоциациями. В истории индонезийского или израильского национализма усиленное культивирование одного языка, являющегося родным для МТГ, составляющей меньшинство или вообще равной нулю, было реакцией на угрожавшую перспективу многоязычного хаоса. Процесс освобождения от немецкого влияния в чешском или от славянского влияния в румынском был результатом сознательного вмешательства в процесс языкового развития и имел целью противодействовать влиянию контакта; благодаря значительному языковому патриотизму, который удалось мобилизовать, он оказался вполне успешным.

8.6. Языковой сдвиг мы определили в § 2.1. как прекращение употребления одного языка и переход на новый язык. Процесс перехода с одного языка на другой может иметь следующие интересные аспекты. Он может произойти в сфере только некоторых коммуникативных функций языка, и с точки зрения социологии языка важно выявить иерархию функций языка, определяющую возможность распространения сдвига из одних сфер языковой жизни (ср. общение родителей с детьми) на другие сферы. Успешная мобилизация чувства языкового патриотизма на борьбу с уже начавшимся языковым сдвигом, приводящая к длительному периоду двуязычия, обычно с разграничением функций каждого из языков, опровергла уже не одно предсказание о близкой смерти того или иного языка.

В большинстве случаев способность двуязычной МТГ к сохранению своего языка перед лицом угрожающего ему сдвига не зависит от структуры этого языка. Если языку вообще применима формула «выживает сильнейший», то «сильнейший» может означать только «большой», учитывая, что сам механизм общения в индустриализованном мире ставит меньше МТГ в невыгодное положение. Можно было бы показать, что для того, чтобы сохранение языка в определенных сферах коммуникации было экономически целесообразно, его МТГ не должна быть меньше определенного минимума по своей абсолютной величине. Вероятно, трудно использовать в качестве языка университетского образования такой язык, МТГ которого насчитывает нескольких миллионов грамотных членов. Если численность МТГ не достигает даже нескольких тысяч человек, то использование ее языка даже в качестве языка начального образования оказывается связанным с серьезными экономическими затруднениями. Вслед за неудачей МТГ в утверждении или сохранении своего языка в наиболее важных и почетных сферах языковой коммуникации часто, как снежный ком, нарастают все новые и новые проявления его изгнания даже из самых обычных, будничных ситуаций.

В отличие от этих факторов, связанных с функционированием языка, структура какого-либо языка вряд ли может оказаться причиной его неспособности к выживанию. Многим языкам пришлось пройти значительный путь развития в лексическом и даже в грамматическом отношении, прежде чем они достигли «общеευропейского» уровня; ясно, что и любой другой язык мог бы развиваться таким же образом, если бы этому благоприятствовали социо-культурные условия.

8.7. Лингвисту важно помнить, что направление и скорость языкового сдвига не обязательно связаны с направлением и силой языкового влияния. Носители «гибнущего» языка могут передать фонетические и грамматические особенности своей речи в качестве субстрата будущим поколениям носителей языка-«победителя». Но бывает — напр., у многих племен американских индейцев, — что язык умирает целиком и в нетронутым виде. Необходимость отдельного описания «внутренней» и «внешней» судеб языка является еще одним доводом в пользу объединения усилий лингвистики и других наук в деле изучения многоязычия.

ЛИТЕРАТУРА

Uriel W c i p g e i c h, Languages in Contact, 2-е изд., пересмотренное и дополненное (The Hague, 1962). Книга содержит библиографию, включающую приблизительно 1000 названий. Первое издание вышло в 1953 г. в качестве первой публикации Нью-Йоркского лингвистического кружка.

Специально о двуязычии в Америке см. также Einar H a u - g e n, Bilingualism in the Americas. A Bibliography and Guide to Research (Publications of the American Dialect Society, № 26, 1957).

Библиография по двуязычию в Эльзасе приложена к французскому переводу книги «Languages in Contact», рукописной диссертационной работе, представленной Жанин Жодель (Janine J a u - d e l) на филологический факультет Страсбургского университета в декабре 1956 г.